

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ УЧЁНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ IX–XII ВВ. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ II ПОЛ. XIX – НАЧ. XX В.

doi 10.34920/2181-8207/2025/2-176

Annotation. Russian Orientalists of the late 19th and early 20th centuries demonstrated a sustained interest in the legacy of this era. They focused both on the historical and philosophical ideas of medieval authors and on the material evidence of cultural flourishing, including manuscripts, architectural monuments, epigraphy, as well as museum and library collections. Research conducted within the framework of Oriental studies contributed to the introduction of a number of monuments of Central Asian historiography into academic circulation. The study of the Renaissance period in Central Asia became an important field within the Russian Orientalist tradition, where scholarly interest was closely intertwined with the political and cultural objectives of the colonial state. This duality calls for both recognition of scholars' contributions to the study of the region's rich heritage and a critical reassessment of the forms and methods of their academic activity.

Keywords. Russian Oriental studies, Central Asia, cultural heritage, medieval manuscripts, Central Asian Renaissance, colonial context, scholarly critique.

Аннотация. Российские востоковеды конца XIX – нач. XX в. проявляли устойчивый интерес к наследию этой эпохи. Их внимание было сосредоточено как на исторических и философских идеях средневековых авторов, так и на материальных свидетельствах культурного расцвета, включая рукописи, архитектурные памятники, эпиграфику, а также музейные и библиотечные коллекции. Исследования, проводившиеся в рамках востоковедения, способствовали введению в научный оборот ряда памятников историографии Средней Азии. Изучение эпохи Ренессанса в Средней Азии стало важным направлением в российском востоковедении, где научный интерес тесно переплетался с политическими и культурными целями колониального государства. Эта двойственность требует как признания вклада ученых в изучение богатого наследия региона, так и критического переосмысления форм и методов их научной деятельности.

Ключевые слова: российское востоковедение, Средняя Азия, культурное наследие, средневековые рукописи, ренессанс в Средней Азии, колониальный контекст, научная критика.

Аннотация. XIX асрнинг охири ва XX асрнинг бошларида Россия шарқшунослари ушбу давр меросига катта қизиқиш билан ёндашдилар. Улар ўрта аср муаллифларининг тарихий ва фалсафий ғоялари, шунингдек, маданий ривожланишнинг моддий ёдгорликлари – қўлёзмалар, меъморий обидалар, эпиграфик ёдгорликлар, музей ва кутубхона коллекциялари билан ҳам шуғулландилар. Шарқшунослик доирасида олиб борилган тадқиқотлар Ўрта Осиё тарихнавислигига оид қатор ёдгорликларни илмий муомалага киритишга ҳисса қўшди. Ўрта Осиёдаги Ренессанс даврини ўрганиш рус шарқшунослиги анъанасида муҳим йўналишга айланди, бу ерда илмий қизиқиш мустамлака давлати сиёсий ва маданий мақсадлари билан чамбарчас боғлиқ эди. Бу икки қирралилик минтақанинг бой меросини ўрганишда олимларнинг ҳиссасини тан олиш ва уларнинг илмий фаолияти шакллари ҳамда усулларини танқидий қайта баҳолаш заруратини юзага чиқаради.

Дилора Раджабова, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения исторического факультета Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова.

Калит сўзлар: Россия шарқшунослиги, Марказий Осиё, маданий мерос, ўрта аср қўлёзмалари, Марказий Осиё Ренессанси, мустамлакачилик контексти, илмий танқид.

Эпоха Возрождения в истории узбекской государственности (IX–XII вв.) является уникальным культурно-историческим феноменом, отражающим высокий уровень социального, научного и духовного развития региона. В этот период на территории Средней Азии существовали централизованные государства Саманидов, Караханидов, Газневидов и Хорезмшахов, способствовавшие расцвету наук, философии, литературы и искусства. Мавераннахр стал одним из центров научной трансляции: здесь изучались труды греческих философов, развивались арабская география, медицинская и астрономическая школы, формировались историографические традиции, соотносимые как с античной, так и с восточной исторической мыслью. Среднеазиатские мыслители – Аль-Хорезми, Аль-Фараби, Ибн Сина, Беруни, Улугбек, Навои и др. – оказали значительное влияние на развитие мировой науки и культуры. Одновременно происходило формирование жанра всеобщей истории, в котором средневековые учёные стремились осмыслить исторические процессы с позиции универсальной картины мира. Важную роль в этом играли богатые библиотечные собрания при дворах Саманидов, Газневидов, Тимуридов и Шейбанидов в Бухаре, Самарканде, Мерве, Герате и других центрах, где сохранялись рукописи и велась активная научная работа.

Российские востоковеды II пол. XIX - нач. XX в. проявляли устойчивый интерес к наследию этой эпохи. Их внимание привлекали как историко-философские идеи средневековых авторов, так и материальные свидетельства культурного подъёма: рукописи, памятники архитектуры, эпиграфика, а также музейные и библиотечные коллекции. Исследования, проводимые в рамках востоковедения, способствовали введению в научный оборот ряда памятников среднеазиатской историографии, однако зачастую сопровождались изъятием артефактов и репрезентацией регионального прошлого в рамках имперского академического нарратива.

Российские востоковеды II пол. XIX - нач. XX в. проявляли устойчивый интерес к наследию этой эпохи. Их внимание привлекали как историко-философские идеи средневековых авторов, так и материальные свидетельства культурного подъёма: рукописи, памятники архитектуры, эпиграфика, а также музейные и библиотечные коллекции

В.Р. Розен интерпретирует методологию Беруни как научную по сути и универсальную по охвату: его стремление к сопоставлению фактов, интердисциплинарному подходу и независимому суждению выделяется на фоне доминирующих религиозных и этноцентричных нарративов той эпохи

Таким образом, изучение эпохи Возрождения в Средней Азии стало важным направлением российской востоковедческой традиции, в которой научный интерес сочетался с политико-культурными задачами колониального государства. Это требует как признания вклада учёных в исследование богатого наследия региона, так и критической переоценки форм и методов их научной деятельности.

Значительный интерес российских востоковедов II пол. XIX - нач. XX в. к наследию средневековой науки проявился, в частности, в высоко оценённой рецензии В.Р. Розена на переводы трудов Аль-Беруни, осуществлённые немецким учёным К.Э. Захау[1]. В своей рецензии Розен подчёркивает исключительность трудов Беруни, называя их «памятниками, единственными в своём роде», и указывает на их равнозначную значимость для Востока и Запада. Особое внимание он уделяет использованию Беруни сравнительного и критического методов, которые, по его мнению, соответствуют принципам современной науки и свидетельствуют о высоком уровне объективности мышления средневекового автора[2].

В.Р. Розен интерпретирует методологию Беруни как научную по сути и универсальную по охвату: его стремление к сопоставлению фактов, интердисциплинарному подходу и независимому суждению выделяется на фоне доминирующих религиозных и этноцентричных нарративов той эпохи. Такой анализ позволил российскому учёному не только подчеркнуть значение интеллектуальной традиции исламского мира, но и поставить вопрос о месте Средней Азии в развитии общемировой историографии. Следуя методам самого Беруни, В.Р. Розен критически анализирует культурные, религиозные, языковые и политические аспекты эпохи, в том числе процесс исламизации Средней Азии, рассматривая его в широком историко-культурном контексте. Он подчёркивает, что только через изучение «быта и духовной жизни народа»[3] можно прийти к объективной оценке исторического пути. В.Р. Розен также поднимает вопрос о необходимости

1 Розен В.Р. Рец.на Alberuni's India. An accoimt of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030. Edited in the arabic original by Dr. Edward Sachau, London, Trübner & C°. 1887. XLII -н ГЧЧ pp. 4°. (на рус.яз.).

2 Там же. С.147.3 Там же. С.151.

3 Там же. С.151.

дальнейшего изучения и издания сохранившихся рукописей, подчеркивая важность этого направления для мировой науки.

Способность Беруни к обобщению и интеграции знаний из различных областей делает его работы актуальными для исследователей, стремящихся к более глубокому пониманию научных и культурных процессов.

Таким образом, рецензия В.Р. Розена представляет собой образец научного осмысления восточного наследия в рамках ориенталистской традиции, сочетающей методы исторической критики, филологического анализа и сравнительного подхода. В то же время она демонстрирует сложные отношения между научным интересом и колониальным контекстом, в котором восточная культура исследовалась с позиций внешнего наблюдателя. Включение трудов Беруни в академический дискурс через посредничество российских востоковедов укрепляло авторитет имперской науки, но также открывало возможность для более справедливой и глубокой оценки вклада Востока в развитие мировой историографии.

Признавая ценность другой работы Беруни «Индия», В.Р. Розен характеризует ее как «памятник единственный в своем роде и равного ему нет во всей древней и средневековой научной литературе Запада и Востока», чем подтверждает высокую оценку этого труда в востоковедческой литературе[4]. Он охарактеризовывает работы учёного как «бесценные» и призывает к их тщательному изучению и включению в современный научный оборот. В заключение Розен подчёркивает, что издание сохранившихся памятников III века хиджры остаётся одной из важнейших задач науки[5]. Его рецензия пронизана уважением к личности Беруни и осознанием значения его наследия для понимания истории, культуры и развития научной мысли в широком историографическом контексте.

Подробные рассуждения В.Р. Розена отражает не только широту его научных интересов, но и типичную для имперской науки двойственность подхода. С одной стороны, он следует критическому методу Беруни, объективно освещая политические, культурные и духовные процессы Средней Азии, включая распространение ислама как фактор, повлиявший на языковую, этническую и литературную структуру региона. С другой – его анализ, как и в целом деятельность российских востоковедов того времени, разворачивался в рамках колониального дискурса, где Средняя Азия представлялась объектом научного познания извне. При всей глубине анализа, такие работы нередко оставляли за скобками локальные интерпретации, опираясь преимущественно на европейские представления о научной рациональности. Литературные и исторические памятники региона включались в академическое знание, но в отрыве от их живого культурного контекста, что становилось одной из ключевых методологических ошибок колониальной науки.

Включение трудов Беруни в академический дискурс через посредничество российских востоковедов укрепляло авторитет имперской науки, но также открывало возможность для более справедливой и глубокой оценки вклада Востока в развитие мировой историографии

Российские востоковеды неоднократно обращались к научному наследию Абу Рейхана Беруни, что свидетельствует о неизменном интересе к его личности и трудам как к источнику познания эпохи, культуры и повседневности народов Средней Азии. Исследователь Н. Абдуллажонова подчеркивает, что внимание к Беруни отражает более широкий интерес к изучению исторического и культурного контекста региона[6]. В трудах К.А. Иностранцева, А.Н. Самойловича, Н.Н. Пантусова, посвящённых истории Хорезма, неоднократно упоминается Беруни как ключевая фигура[7]. В частности, в разделе «Сбор рукописей и монет» инструкции (вопросник) для сбора материалов к разностороннему изучению Хивинского оазиса, составленной по поручению РГО востоковедом П.И. Лерхом в нач. 70-х гг., приведено 22 наименования произведений Беруни, которые «принадле-

Российские востоковеды неоднократно обращались к научному наследию Абу Рейхана Беруни, что свидетельствует о неизменном интересе к его личности и трудам как к источнику познания эпохи, культуры и повседневности народов Средней Азии

4 Розен В.Р. Рецензия на издание арабского текста «Индии». ЗВОРАО. 1888. Т.III. С.147.

5 Розен В.Р. Рец.Alberuni's India. An accoimt of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030. Edited in the arabic original by Dr. Edward Sachau, London, Trübner & C°. 1887. XLII -н ГЧЧ pp. 4°. с.160.

6 Абдуллажонова Н. Россия шарқшунослари тадқиқотларида Абу Райҳон Берунийнинг ҳаёти ва ижоди // Узбекистон тарихи. 2012. №2. С.55-66.

7 Иностранцев К.А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1911. Февраль. № 8. С.284-318; Самойлович А.Н. Об изменениях в двенадцатилетнем животном цикле у некоторых турецких племен / Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 49. Симферополь. 1912. С.133-138; Он же. Западный Туркестан. СПб.: Столичная скоропечатная. 1903. С.77-78, 144; Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Т.: Фан. 1965. С.216-217.

жат к величайшим редкостям». Признается, что в России «из сочинений Бируни ни одного нет»[8], поэтому обнаружение какого-либо его сочинения было бы огромным счастьем.

Филологи-востоковеды: иранист К.Г. Залеман и арабист И.Ю. Крачковский, исследовав сочинения Беруни, преподнесли научному миру большое количество сведений, касающихся истории средневековых государств и народов, их политической, хозяйственной, культурной и религиозной (духовной) жизни[9].

В центре исследований В.В. Бартольда находились восточные письменные источники, включая как арабские и персидские хроники, так и редкие рукописи, сохранившиеся в зарубежных библиотеках и частных коллекциях. Учёный показал, что в Средней Азии существовала богатая историографическая традиция, коренящаяся в средневековых научных практиках. Он выделяет уникальность Бируни как ученого, который в XI в. обладал широким мировоззрением и глубоким пониманием научного метода. Это подчеркивает важность Бируни как фигуры, представляющей мост между различными культурами и научными традициями[10]. Его хронология восточных народов – это пример систематизации знаний о времени, мифологии и религиозных обрядах от Туркестана до Египта, выполненный с высокой степенью объективности и аналитичности. Отдельного внимания заслуживает труд Беруни «Индия», в котором В.В. Бартольд с интересом исследует культуру, философию и верования другой цивилизации. Тем не менее, сам факт существования в XI в. учёного с таким уровнем мышления подчёркивает важность переосмысления и популяризации наследия восточных учёных в современной науке, в том числе в контексте постколониальной критики передачи знаний[11].

В центре исследований В.В. Бартольда находились восточные письменные источники, включая как арабские и персидские хроники, так и редкие рукописи, сохранившиеся в зарубежных библиотеках и частных коллекциях. Учёный показал, что в Средней Азии существовала богатая историографическая традиция, коренящаяся в средневековых научных практиках

Однако следует учитывать и те факторы, которыми руководствовались российские ученые при изучении историографического наследия среднеазиатских просветителей. В частности, важно также отметить, что исследования В.В. Бартольда проводились в контексте колониальной политики Российской империи в Средней Азии. Его интерес к наследию Бируни можно рассматривать как стремление понять и интерпретировать местную культуру в рамках имперских амбиций. Это подчеркивает необходимость критического подхода к изучению наследия восточных ученых, чтобы избежать искажения их идей.

Важно также отметить, что исследования В.В. Бартольда проводились в контексте колониальной политики Российской империи в Средней Азии. Его интерес к наследию Бируни можно рассматривать как стремление понять и интерпретировать местную культуру в рамках имперских амбиций. Это подчеркивает необходимость критического подхода к изучению наследия восточных ученых, чтобы избежать искажения их идей

Одним из ключевых рукописных источников по истории восточных стран, включая средневековую Среднюю Азию, является «Тарих-и Байхаки». Известно, что списки этого памятника хранятся в библиотеках Ирана, Турции, Египта, Индии и ряда европейских стран; три списка находятся в Санкт-Петербурге, другие – у частных владельцев[12]. Несмотря на высокую ценность текста, до 1962 г. полный перевод «Тарих-и Байхаки» на европейские языки не осуществлялся[13]. В.В. Бартольд одним из первых в полной мере использовал данный источник в своем историографическом труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[14]. Он специально обратился к периоду, предшествовавшему вторжению монголов, осознав, что без обращения к первоисточникам невозможно реконструировать исторический контекст Средней Азии XI–XIII вв. Большинство процитированных им фрагментов были извлечены из рукописей, ранее не опубликованных, включая уникальные экземпляры.

8 Вопросы, предлагаемые императорским Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях. СПб. 1873. С.29.

9 Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. Избранные сочинения. Т.1. М.-Л.: 1955; Он же. «Благодатный огонь» по рассказу Беруни и других мусульманских писателей X-XI в. / Христианский Восток, III. (1914), 1915. С.225-242; Он же. Бируни. Русская энциклопедия. Т.3. СПб.: Сеятель. 1915; Он же. Аль Бируни и географы XI века на Востоке. Избранные сочинения. Т.4. М. 1957. С.244-262.

10 Бартольд В.В. История. Мусульманский мир. Вып.22. Петербург: Наука. 1922; Он же. Статьи из энциклопедии ислама. Хорезмшах. Избр.соч. Т.II. Ч.2. М.: Наука. 1964; Он же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Избр.соч. Т.1. М.: Издательство восточной литературы. 1963.

11 Бартольд В.В. Мусульманский мир. Соч. Т.6. С.262-263.

12 Рук. ПНС-125 и ПНС•126. Госбиблиотека М.Е. Салтыкова-Щедрина. С.398.

13 Саидкулов Т.С. Очерки историографии истории народов Средней Азии. Ч.1. Т.: Укитувчи. 1992. С.43-44.

14 Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч.1.Тексты. СПб. 1898. С.201.

Тем самым первая часть исследования приобрела самостоятельную научную ценность, став корпусом редких текстов, введённых в научный оборот.

Такие труды как «Китаб ал-ансаб» и «Тарих-и джахангушо», содержат ценные сведения о политической и социальной структуре Средней Азии, что позволяет исследовать развитие государственности и этнической идентичности в регионе; «Мулхакат ас-Сурах» и «Китаб-и Муллазаде», предоставляют данные о родословных и генеалогиях, что важно для понимания социальных и культурных связей между народами; «Китаб Разат ал-джаннат», содержат информацию о ремеслах и экономической жизни, что позволяет восстановить картину повседневной жизни и хозяйственной деятельности; произведения, описывающие религиозные реформы и взаимодействие различных культур (например, «Джами ал-хикайат ва ламъи ар-ривайат»), помогают исследовать религиозные движения и культурные трансформации; описания войн, восстаний и политических интриг в трудах, таких как «Аърад ас-сийаса фи аградал-рийаса», помогают понять динамику власти и межгосударственные отношения. Однако работа В.В. Бартольда представляет собой не только выдающийся пример научного анализа, но и важный шаг в колониальной практике перевода и интерпретации восточного знания, раскрывая как научный интерес к Средней Азии, так и проблемы доступа к интеллектуальному наследию региона.

Следует особо отметить научные исследования В.В. Бартольда, которые основаны на восточные письменные источники и подтверждают наличие значительного пласта историографических трудов средневековых ученых Средней Азии[15]. В ряде своих работ, включая статьи из «Энциклопедии Ирана» и «Историко-географический обзор Ирана», В.В. Бартольд собрал и систематизировал сведения о географических названиях региона на основе источников на арабском, персидском, а также с привлечением античных и китайских свидетельств. Это стало важным вкладом в реконструкцию исторической географии Средней Азии.

Известно, что во время пребывания в Галле В.В. Бартольд интенсивно изучал арабский, персидский, тюркский и другие восточные языки[16], что позволило ему самостоятельно работать с оригинальными источниками[17]. В числе таких работ – редактирование и комментирование перевода «Истории Бухары» Наршахи (1897), выполненного Н. Лыкошиным.

Восточные манускрипты позволяют современным исследователям воссоздавать историческое прошлое народов и оценивать их вклад в развитие общечеловеческой культуры. Ярким примером такого источника является «Шахнаме» – эпическое произведение персидского поэта Фирдоуси, содержащее значительный фактический материал по истории и мифологии Ирана, а также по событиям, затрагивающим пространство Средней Азии в древности и раннем средневековье. В.В. Бартольд, анализируя происхождение и содержание «Шахнаме», подчеркивает его историографическую ценность и прослеживает истоки эпоса в рамках развития персидской исторической традиции – от Табари до более поздних хронистов[18]. Особое внимание он уделяет персидскому переводу «Истории Табари», выполненному при дворе саманидского везиря Балами (Бухара, 963 г.), который, по мнению Бартольда, подготовил почву для появления «Шахнаме». Как указывает исследователь, важнейшим источником для эпоса был утерянный среднеперсидский свод «Худайнаме» – хроника сасанидского времени, отражающая придворные предания и эпические сказания[19]. По поручению хорасанского наместника Абу Мансура Мухаммеда бин Абд ар-Раззака этот материал был сначала прозаически переработан, а затем положен в поэтическую форму Дакики и завершён Фирдоуси. Таким образом, «Шахнаме» становится не про-

Однако работа В.В. Бартольда представляет собой не только выдающийся пример научного анализа, но и важный шаг в колониальной практике перевода и интерпретации восточного знания, раскрывая как научный интерес к Средней Азии, так и проблемы доступа к интеллектуальному наследию региона

Восточные манускрипты позволяют современным исследователям воссоздавать историческое прошлое народов и оценивать их вклад в развитие общечеловеческой культуры. Ярким примером такого источника является «Шахнаме» – эпическое произведение персидского поэта Фирдоуси, содержащее значительный фактический материал по истории и мифологии Ирана

15 Бартольд В.В. Аму-Дарья // Статьи из «Энциклопедии ислама». М.: Наука. 1965. Т.III. С.319-325; Он же. Сыр-Дарья // Там же. С.491-493; Он же. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Наука. 1971. Т.VII. С.31-228; Он же. Иран. Исторический обзор // Работы по исторической географии и истории Ирана. М. 1971. Т.VII. С.230-336.

16 Акрамов Н.М. Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе, 1963. С.25.

17 Архив РАН. Ф.777. Оп. 2. Ед.хр.18. Л.4.

18 Бартольд В.В. К истории перидского эпоса. Соч. Т.7. С.399-401.

19 Грицюк Е.Ю. Развитие идеи государственности в мусульманском обществе VII-XI вв. // IMAGINES MUNDI: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. Т.4. № 2. 2006. С.200.

сто поэтическим памятником, а источником исторической памяти, важным как для политической идеологии, так и для литературной традиции постсаманидского времени. В.В. Бартольд в своих обзорах обращается к целому ряду средневековых авторов – Беруни, Табари, Рудаки, Дакики – чьи труды формируют историографическую основу как для самого «Шахнаме», так и для понимания интеллектуального контекста Средней Азии. Интерес к этим источникам проявлялся как в российском, так и в западноевропейском востоковедении: труды Нёльдеке, Мейера, Захау и других дополняли академическую традицию, формирующуюся в рамках имперского и колониального знания. По данным Я.Д. Кочнева и В.А. Шарипова, ещё в сер. XIX в. «Шахнаме» становится объектом систематического изучения в России[20]. В дальнейшем значительный вклад в его исследование внесли В.Р. Розен, К.Г. Залеман, Ф.А. Розенберг, сосредоточившиеся на текстологическом и историко-культурном анализе[21]. Востоковед С.И. Соколов осуществил полный перевод эпоса на русский язык[22], а В.А. Жуковский высоко оценивал значение творчества Фирдоуси для персоязычной историографии[23]. При этом он с горечью отмечал недостаточное уважение к поэту на его родине, что отражает колониальную интенцию «сохранения» восточного наследия усилиями западных научных институций[24].

Особенно ценным для исследователей оказался труд Гардизи, содержащий уникальные данные о тюрках, Хорасане и Индии, а также разделы, посвящённые греческой науке, летосчислению и генеалогии

Источники, такие как «Аль-Камиль фи-т-тарих» Ибн аль-Асира[25], «Зайн аль-ахбар» Гардизи[26], «Тарих-и Байхаки»[27], а также переводы трудов Утби, Байхаки и др., активно привлекались российскими востоковедами. Следует указать, что некоторые части сочинения Ибн ал-Асира, касающиеся истории монгольского нашествия, были переведены В.Г. Тизенгаузеном. Особенно ценным для исследователей оказался труд Гардизи, содержащий уникальные данные о тюрках, Хорасане и Индии, а также разделы, посвящённые греческой науке, летосчислению и генеалогии. В.В. Бартольд высоко оценивал это сочинение, указывая на его богатую источниковую базу и значение для изучения раннесредневековой Средней Азии[28]. Учёный критически анализировал источники, выявляя их историческую достоверность и сопоставляя с трудами зарубежных авторов. Он подчеркивал, что достоверные свидетельства арабских географов о Средней Азии являются неоценимыми для изучения прошлого региона, особенно в условиях потери значительной части рукописного наследия вследствие исторических катаклизмов[29].

В.В. Бартольд активно вводил в научный оборот источники, ранее не использованные в историографии. Его внимание к малорассмотренным периодам, таким как эпоха саффаридов, свидетельствует о стремлении реконструировать комплексную картину исторического процесса на основе как опубликованных, так и неопубликованных источников

Историографическая база средневековой Средней Азии, изученная российскими востоковедами, значительно расширена за счёт трудов Хасана Низами, Мухаммеда Равенди, Эти сочинения свидетельствуют о высокой степени взаимодействия культур, об обмене научными традициями, а также о широком распространении хронологических и критических методов историописания. В.В. Бартольд активно вводил в научный оборот источники, ранее не использованные в историографии. Его внимание к малорассмотренным периодам, таким как эпоха саффаридов, свидетельствует о стремлении реконструировать комплексную картину исторического процесса на основе как опубликованных, так и неопубликованных источников.

21 Зиновьев С.И. О происхождении и постепенном развитии первоначально персидского эпоса. «Киевские университетские известия». 1867. № 5. С.1-11; Залеман К. Очерк дренеперсидской литературы // «Всеобщая история литературы». / Под ред. Корша В. СПб. 1880; Розен В.Р. Об арабских переводах Ходай-Нâме. В сб. «Восточные заметки». СПб. 1895; Жуковский В.А. Мусульманство Рустема. «Живая старина». 1892. Кн. IV.

22 Фирдоуси. Книга царей. (Шахнаме) / с персидского перевел С.И. Соколов. Вып. 1-2. М. 1906, 1915.

23 Жуковский В.А. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия. «Музаффарийа». Сборник статей учеников профессора барона Виктора. Романовича Розена. СПб. 1897. С.325-363.

24 Жуковский В.А. Могила Фирдоуси. // ЗВОРАО. Т.VI. 1892.

25 Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-та'рих (Полный свод истории) / Пер. и комм. чл.-корр. АН Республики Узбекистан П.Г. Булгакова; Доп. к пер., введ., прим. и комм., указ. Ш.С. Камолиддина. Т.: Узбекистан. 2006. 560 с.

26 Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 189-1894 гг.». Соч. Т.VIII. С.23, 24.

27 Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор. Соч. Т. VII. С.283-286.

28 Qayumova K.SH. Ibn al-asirning «al-komil fi-t-tarix» asari tarixshunosligi va manbaviy asoslari. Республика XII илмий-амалий конференция материаллари. 12–илмий тўплам [Тошкент давлат шарқшунослик университети. Масъул муҳаррир тар.ф.д., проф. М.М. Исҳоқов] Т. 2020.. С.115.

29 Бартольд В.В. Джу-и Ариз (К вопросу об истории ирригации в Туркестане). Соч. Т.III. С.274.

Таким образом, научное наследие В.В. Бартольда представляет собой не только пример строгого источниковедения, но и отражение постколониального взгляда на переработку восточного знания в рамках российской имперской науки. Его работы актуализируют важность комплексного подхода к изучению средневековой Средней Азии, основанного на глубоком знании языков, межкультурной интерпретации и критическом анализе источников.

Одним из важнейших памятников среднеазиатской историографии начала XIV в. является труд Мухаммада Хайдара Дулати «Тарихи Рашиди», широко изученный российскими востоковедами, в том числе В.В. Вельяминовым-Зерновым, К.Г. Залеманом и В.В. Бартольдом. Первыми издателями текста в Европе стали французские исследователи Э. Блоше, С. Катрмер и д'Оссон, начавшие его публикацию в первой половине XIX века.

Произведение состоит из двух частей: первая охватывает события от воцарения Туглук-Тимур Хана в Могулистане до правления Абд ар-Рашид Хана в Яркенде, вторая – сосредоточена на внешнеполитических и этнокультурных взаимодействиях Могулистана с соседними народами: шейбанидами, чагатаидами, казахами и др. «Тарихи Рашиди» также содержит ценные сведения по экономике, политике и социальной структуре Мавераннахра в условиях монгольского владычества, что делает его не только историческим, но и историографическим источником высокого уровня.

Особую роль в изучении историографии тюркских и монгольских народов сыграл востоковед И.Н. Березин, ставший первым российским исследователем, осуществившим научную публикацию и перевод части «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина – одного из важных исторических трудов мусульманского Востока. Он выпустил персидский текст и русский перевод с примечаниями, сосредоточив внимание на описании кочевых тюркских и монгольских племён, включая правление Чингисхана[30]. Эти издания вошли в основанную им серию «Библиотека восточных историков» (1849–1854), ставшую знаковым явлением в формировании российской востоковедческой традиции. В.В. Бартольд подчеркивал, что главная заслуга И.Н. Березина заключается именно во введении восточных письменных памятников в научный оборот[31].

Интерес также представляет переписка Рашид ад-Дина, охватывающая период XIII – начала XIV вв., содержащая богатый материал по истории стран Ближнего, Среднего Востока и Средней Азии. Несмотря на то что этот источник был известен исследователям с начала XIX в. – в частности, входил в состав так называемой «Первой коллекции Руссо», приобретённой Академией наук и переданной Азиатскому музею в 1819 г., – он не привлёк должного внимания со стороны таких крупных исследователей, как И.Н. Березин и В.В. Бартольд[32]. Это, в свою очередь, свидетельствует о селективности в обращении российских ориенталистов к источникам и демонстрирует особенности имперской научной политики, при которой одни тексты канонизировались, а другие – оставались на периферии научного внимания.

Таким образом, работы Мухаммада Хайдара Дулати и Рашид ад-Дина, как и деятельность российских востоковедов по их изучению и публикации, иллюстрируют колониальный характер академического знания, формируемого в имперском контексте. Вместе с тем они демонстрируют значимость научных методов: текстологического анализа, филологической экспертизы и источниковедческой критики, без которых невозможна полноценная реконструкция исторического прошлого Средней Азии.

На протяжении веков восточные рукописи, созданные на арабском, персидском и тюркском языках, служили не только но-

Особую роль в изучении историографии тюркских и монгольских народов сыграл востоковед И.Н. Березин, ставший первым российским исследователем, осуществившим научную публикацию и перевод части «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина – одного из важных исторических трудов мусульманского Востока

Таким образом, работы Мухаммада Хайдара Дулати и Рашид ад-Дина, как и деятельность российских востоковедов по их изучению и публикации, иллюстрируют колониальный характер академического знания, формируемого в имперском контексте

30 См.: Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского, с введением и примечаниями И.Н. Березина. СПб. 1858. «Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества». Т. V; (то же), персидский текст, с предисловием и примечаниями Березина И.Н. СПб. 1961. ТВОРАО. Ч.VII; История Чингисхана до восшествия его на престол. Персидский текст с предисловием и примечаниями И.Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И.Н. Березина. СПб. 1868. ТВОРАО. Ч.XIII; История Чингисхана от восшествия его на престол до кончины. Персидский текст в издании И.Н. Березина; Русский перевод с примечаниями. Н. Березина. СПб. 1888. ТВОРАО. Ч.XV.

31 Бартольд В.В. И.Н. Березин как историк. Соч. Т. 9. С. 746, 756.

32 Саидкулов Т.С. Очерки историографии истории народов Средней Азии. Ч.1. Т.: Укитувчи. 1992. С.51-52.

сителями научных и религиозных знаний, но и важнейшими историко-культурными источниками. Одним из ключевых центров хранения и изучения таких памятников стал Лазаревский институт восточных языков, обладавший уникальной коллекцией рукописей. Начало собрания было положено в XIX в. благодаря усилиям российских ориенталистов, в числе которых – А.Е. Крымский, передавший в дар институту старейшую рукопись коллекции – медицинский трактат на арабском языке 1281 года, вывезенный из Сирии[33]. Коллекция библиотеки охватывает период с XIII до начала XX в. и насчитывает более 176 рукописей и 21 тысячи редких изданий. Подобные собрания нередко формировались за счёт дипломатических миссий, экспедиций и научных поездок, что позволяет говорить о специфике колониального интеллектуального сбора, в ходе которого культурные ценности Востока систематически оказывались в имперских институтах.

Подобные собрания нередко формировались за счёт дипломатических миссий, экспедиций и научных поездок, что позволяет говорить о специфике колониального интеллектуального сбора, в ходе которого культурные ценности Востока систематически оказывались в имперских институтах

Фундаментальные работы Х.Д. Френа, заложившего основы каталогизации восточных рукописей Азиатского музея, стали важнейшим этапом в развитии источниковедческой базы. Ему принадлежит заслуга ввода в научный оборот ценных арабских, персидских и тюркских текстов, включая знаменитое описание путешествия Ибн Фадлана[34]. Тем самым Х.Д. Френ продемонстрировал важность восточных текстов как источников по истории не только Ближнего Востока, но и самой России, особенно в контексте её контактов с мусульманским миром.

Научная деятельность Н.И. Веселовского и И.Ю. Крачковского продолжила этот вектор. Н.И. Веселовский под руководством В.В. Григорьева осуществил перевод и комментирование фрагментов труда Истахри о Мавераннахре (1872)[35], тем самым обратив внимание на важность географических сочинений арабских авторов для изучения Средней Азии. Крачковский, в свою очередь, был удостоен награды за глубокую интерпретацию арабских хроник, в частности труда ат-Табари, включающего сопоставления и примечания историко-географического характера[36]. Работа этих ученых иллюстрирует применение методов историко-филологической критики, сравнительного анализа источников, а также развитую практику аннотированного перевода. Они обеспечили институциональное закрепление ориенталистики как дисциплины, чьё развитие во многом было обусловлено задачами имперской власти – систематизацией знаний о подчинённых народах и легитимацией территориального контроля через академическую деятельность.

Уникальный по своей источниковедческой и описательной базе Каталог персидских, арабских и тюркских рукописей, составленный Е.Ф. Калем, представляет собой важный свод мусульманских манускриптов, отражающих различные этапы интеллектуальной истории Средней Азии[37]. В каталоге зафиксировано 87 рукописей: 7 – на арабском, 11 – на тюркском и 69 – на персидском языках. Значительная часть этих текстов относится к периоду расцвета науки, культуры и мусульманского просвещения в регионе. Среди наиболее значимых источников – «История Бухары» Наршахи (арабский язык), персидский перевод сочинения Табари, а также версия труда Мухаммада ибн Исхака о жизни пророка Мухаммада. Особый интерес представляет «Тарих-и-Вассаф» Ходжи Абдуллы бин Фазлуллы, описывающее монгольское владычество в Персии (1258–1312 гг.), а также «История Персии» Насир ад-Дина Бейзави (1275 г.). В числе рукописей – анонимное историческое сочинение, охватывающее сведения о раннефеодальных династиях Средней Азии: Тахиридах, Сафаридах, Саманидах, Газневидах, Сельджукидах, Хорезмшахах. Также упоминается правовой труд Бурхан ад-Дина Маргинони, иллюстрирующий развитие исламской юридической мысли. Таким образом, каталог Е.Ф. Каля представляет собой ценнейший свод источников для изучения культурной и

Уникальный по своей источниковедческой и описательной базе Каталог персидских, арабских и тюркских рукописей, составленный Е.Ф. Калем, представляет собой важный свод мусульманских манускриптов, отражающих различные этапы интеллектуальной истории Средней Азии

33 Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. / Под общ. ред. Акад. РАН А.В. Торкунова. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2014. С.9.

34 История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1990. С.397.

35 Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков. Соч. Т.IX. М. 1977. С.171.

36 Отчет Санкт-Петербургского университета за 1905 г. СПб. 1906. С.148-150; Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1851): Библиографический указатель / Отв.ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН. 2007. С.8.

37 Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки. Составил Е.Каль. Ташкент, 1889.

политической истории Средней Азии, а также для анализа трансформации научного знания в мусульманской традиции региона.

Особую историографическую ценность представляют религиозно-нравственные рукописи из библиотеки андижанского ишана Мадали (Дукчи-Ишана) – духовного лидера и организатора антироссийского восстания в Ферганской долине. После подавления восстания 368 томов из его собрания были переданы в Ташкентскую публичную библиотеку[38]. Подобный акт передачи демонстрирует колониальный характер обращения с культурным наследием покорённых территорий, когда изъятые источники превращались в достояние имперских научных учреждений.

Две рукописи из этой коллекции – «Тазкират ал-авлийа» Фарид ад-Дина Аттара и «Джами ал-макамат» о шейхе Махдум-и Аъзаме – стали предметом изучения в Восточном отделении Русского археологического общества. В.А. Иванов с сожалением отмечал, что значительная часть рукописей была утрачена, что, вероятно, лишило исследователей доступа к уникальным источникам и что «если бы удалось спасти побольше списков (восточных рукописей – Д.Р.), среди них, несомненно, нашлись бы очень редкие и важные»[39].

Интерес к восточным рукописям сопровождался масштабной переводческой деятельностью. С.Б. Карнеев в «Материалах к библиографии русских переводов» приводит список переводов персидских текстов с XVII в. до 1935 г., включая такие произведения, как «Гюлистан» Саади, «Искандернаме» Низами, «Шахнаме» Фирдоуси, труды Навои, Яссави, Аттара, Джами. Их переводили В.А. Жуковский, И.Н. Березин, А.А. Крымский и др.[40]. Крымский также прошёл школу тюркских языков и защитил диссертацию по философии Аль-Фараби, что свидетельствует о высоком уровне филологической подготовки российских востоковедов.на тему: «Перевод и толкование философского трактата Аль Фараби. Главные вопросы философии»[41], что свидетельствует о высоком уровне филологической подготовки российских востоковедов.

Одним из важнейших источников по истории Средней Азии остаётся «История Бухары» Наршахи. Первоначально написанное на арабском языке в 943–944 гг., сочинение было переведено на персидский язык в 1129 г. и позднее дополнено материалами до XIII века. Труд содержит отсылки к сочинениям Табари, Нишапури, аль-Сулий и др., при этом авторитет Наршахи сохранялся как у позднейших редакторов, так и у исследователей[42]. При наличии французского перевода, В.В. Бартольд в 1896 г. призывал своих коллег-специалистов крайне срочно осуществить перевод на русский язык, «потому что сочинение это имеет первостепенное значение для истории и топографии средневековой Бухары». Перевод на русский язык был выполнен Нилом Лыкошиным при участии В.В. Бартольда[43], проведя вместе с тем сравнительный анализ нескольких вариантов самой рукописи.

На «Историю Бухары» опирались Н.В. Ханыков[44] и А. Шишов[45], рассматривавшие её как ключевой источник по истории Саманидов, арабским завоеваниям, монгольскому вторжению и периоду Тимуридов. А.Шишов также использовал материалы Наршахи, Табари и ал-Беруни в этнографическом и социальном анализе таджикского народа. Вопрос происхождения Саманидов был предметом отдельного исследования А.А. Семёнова, чьи труды отличались широтой охвата, филологической точностью и критическим источниковедческим подходом[46]. Активно занимаясь переводами и коммента-

Особую историографическую ценность представляют религиозно-нравственные рукописи из библиотеки андижанского ишана Мадали (Дукчи-Ишана) – духовного лидера и организатора антироссийского восстания в Ферганской долине. После подавления восстания 368 томов из его собрания были переданы в Ташкентскую публичную библиотеку

Одним из важнейших источников по истории Средней Азии остаётся «История Бухары» Наршахи. Первоначально написанное на арабском языке в 943–944 гг., сочинение было переведено на персидский язык в 1129 г. и позднее дополнено материалами до XIII века

38 Архив востоковедов Института народов Азии Академии наук СССР. Бюллетень 1. Ленинград. 1961. С.108.

39 Там же. С.130.

40 Карнеев С.Б. Материалы к библиографии русских переводов. Персидская поэзия. // Библиография Востока, Вып. 10 (1936). С.101-111.

41 Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. / Под общ. ред. Академика РАН А.В. Торкунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. С.172.

42 https://greylib.align.ru/1238/muxammad-narshaxi-istoriya-buxary.html

43 Наршахи Мухаммад. История Бухары. Перевел с персидского Н.Лыкошин под редакцией В.В. Бартольда.: / Наршахи Мухаммад. М.: Книга по Требованию. 2011. 129 с.

44 Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. 1843. С.53-55.

45 Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Т. 1910.

46 Семенов А.А. К вопросу о происхождении саманидов. Избр.соч. Под общей ред.акад. Р.Масова. Душанбе. 2013. С.37-52.

риями, а также критическим анализом восточных рукописей[47].

Особый вклад в изучение истории Хорезма под властью Саманидов внёс Н.И. Веселовский. В своих работах он опирался на сочинение Мирхонда «Равзат ус-сафо», используя немецкие переводы, выполненные Вуллерсом, д'Оссеном, Дефремери, Хербелотом, а также российскими исследователями – О.И. Сенковским, В.В. Григорьевым, Х.Д. Френом. Н.И. Веселовский характеризует правление Саманидов как «золотой век» региона, когда Средняя Азия, давшая миру таких выдающихся мыслителей, как Авиценна, аль-Фараби и аль-Бируни, достигла высокого уровня образованности и внутреннего порядка[48]. Учитывая сведения из трудов Масъуди, аль-Андалуси, Байхаки и др., он подчёркивает важность их исторического наследия, охватывающего как средневековую, так и древнюю историю Хорезма. Н.И. Веселовский также ссылается на труд Мунши ан-Насави «Сират ас-Султан Джелал ад-Дин Менкубирти», посвящённый биографии хорезмшаха Джелаледдина Мангуберды. Эти данные он приводит со ссылкой на публикации немецкого востоковеда д'Оссена[49]. В своих работах Веселовский активно использует и рассуждения О.И. Сенковского, который уделял внимание проблеме государственности Сельджукидов и их роли в истории Хорезма[50]. Такой подход, основанный на сравнительном анализе восточных и европейских источников, демонстрирует методологическую глубину и стремление к комплексному осмыслению исторического прошлого региона.

Одной из особенностей формирования историографии Средней Азии в российском востоковедении было стремление исследовать даже опосредованные источники – компилятивные труды, созданные на основе ранее недоступных арабских и персидских рукописей. Такой подход характерен для В.В. Григорьева, который в условиях ограниченного доступа к первоисточникам подробно осветил историю Караханидской династии, опираясь на труд турецкого учёного XVII века Мунеджжим-баши «Летопись Главного Астролога» («Тарих-и Мунеджжим-баши»). Это сочинение, представляющее собой компиляцию на основе более ранних арабских и персидских текстов, стало ключевым источником для В.В. Григорьева, поскольку он признавал, что ему известен лишь один автор, отдельно изложивший историю Караханидов[51]. Поскольку оригинал на арабском языке был недоступен, В.В. Григорьев использовал турецкое издание, опубликованное в Константинополе, что стало возможностью для вовлечения этой информации в научный оборот. Тем самым ученый обеспечил не только российское, но и мировое научное общество ценными сведениями об истории правления могущественной династии Караханидов в Мавераннахре.

Одной из особенностей формирования историографии Средней Азии в российском востоковедении было стремление исследовать даже опосредованные источники – компилятивные труды, созданные на основе ранее недоступных арабских и персидских рукописей

Поскольку оригинал на арабском языке был недоступен, В.В. Григорьев использовал турецкое издание, опубликованное в Константинополе, что стало возможностью для вовлечения этой информации в научный оборот

Значительный вклад В.В. Григорьева заключается в том, что он впервые осуществил систематический сравнительный анализ сведений Мунеджжим-баши с данными классических мусульманских авторов: аль-Балазури, Мас'уди, Утби, Истахри, Якуби, Ибн Хаукаля, ал-Бируни, Табари, Ибн Халдуна, Джувейни, Рашид ад-Дина и др. В результате он не только выявил источниковую основу сведений Мунеджжим-баши, но и уточнил локализацию ряда географических объектов, включая Баласагун, упоминания о котором в ранних арабских хрониках были отрывочны и лишены конкретики. Его работа стала одной из первых попыток источниковедческого анализа мусульманских хроник в контексте истории Центральной Азии.

В 1858–1859 гг. П.И. Лерх в ходе поездки в Бухару и Хиву приобрёл свыше 30 восточных рукописей для Азиатского музея. Среди них – «Китаб ал-ансаб» ал-Самани, послужившая источником для историко-географического словаря Якута, «Маджма ал-ансаб» Шебангараи, автограф сочинения «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и др. В письме

47 Семенов А.А. Происхождение Чингиз-хана и его завоевания [Текст]: Пер. из рукописи «Тарих-и Моким-хани» // Туркестанские ведомости. 1907. № 15-16. Описание исмаилитских рукописей, собранных А.А. Семеновым [Текст] // Известия Российской Академии наук. Сер.6. Т.12. 1918. №87. С.2171-2202.

48 Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб. 1877. С.23, 31-32.

49 Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб. 1877. С.74.

50 Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): с портретом и жизнеописанием автора: Т. 1-9. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1858-1859. Т.VII. С.60.

51 Григорьев В.В. Караханиды в Мавераннахре по Тарихи Мунедджим-баши. СПб. 1874. С.3, 4.

в Императорскую Академию наук П.И. Лерх просил о финансировании закупок «самых разнообразных предметов и рукописей»[52] подчёркивая научную и культурную значимость этих материалов. Позднее, в 1871 г., он описал 97 восточных рукописей, переданных в дар Петербургской публичной библиотеке Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом и собранных А.Л. Куном[53]. Материалы из личного фонда Лерха (Институт восточных рукописей РАН) включают копию «Истории Бухары» Наршахи, документы по этнографии и истории Хивы, Бухары, Коканда, газетные вырезки, карты и научные статьи[54]. Эти собрания не только зафиксировали знания о регионе, но и отразили механизм научного освоения Востока через систематизацию, каталогизацию и извлечение знания из контекста его локального существованияи др.

Существенный вклад в разработку среднеазиатской рукописной традиции внёс В.Л. Вяткин. Им был переведён и опубликован в «Справочной книжке Самаркандской области» труд Мир Абу Тахир Ходжи Самарканди «Самария», в котором содержались систематические сведения о Самарканде[55], Там же был опубликован перевод трактата «Кандия-йи Хурд», описывающего мазары города[56]. Эта источник содержал описание различных видов мазаров Самарканда и ряд ценных данных относительно истории города. В.Л. Вяткиным также были переведены и опубликованы значительная часть «Бабурнаме»[57], «Рисоля» Мухаммада Салиха[58], легенды об основании и истории Самарканда. Известно, что в 1897 г. он подарил Азиатскому музею сочинение «Мукаддимат ал-адаб» («Введение в словесность») Замахшари, которое впоследствии изучил и описал В.В. Бартольд[59]. Научные комментарии В.Л. Вяткина сопровождали также издание астрологического трактата Фахр ад-Дина ар-Рази, посвящённого Хорезмшаху Такашу[60]. Этот текст использовался при определении местонахождения обсерватории Улугбека – один из примеров, как источниковедение способствовало археологическим открытиям[61]. В.Л. Вяткин прослеживал историко-интеллектуальную преемственность между I и II мусульманскими Ренессансами, указывая на переклички между античной философией, трудами Аль-Фараби, Ибн Сины и европейской научной традицией (Ф. Бэкон, О. Хайям, П. Руффини, У. Горнер и др.)[62] и др.

Таким образом подтверждается неоспоримое признание в мировом масштабе богатого интеллектуального наследия средневековых ученых, научные труды которых высоко ценились в последующие эпохи. Вследствие этого вполне понятен интерес и стремление российских ученых-востоковедов к научному изучению историографических традиций среднеазиатских ученых и мыслителей, в частности, периода I Ренессанса. При изучении средневековой истории Средней Азии российские востоковеды сталкивались с дилеммой: следование объективным научным критериям или адаптация результатов исследований к имперским интересам. Исследования наследия среднеазиатских учёных (Аль-Фараби, Ибн Сины и др.) в работах российских востоковедов подчеркивали вклад региона в мировую цивилизацию, но зачастую трактовались в рамках имперского нарратива о «цивилизационной миссии» России. ■

В письме в Императорскую Академию наук П.И. Лерх просил о финансировании закупок «самых разнообразных предметов и рукописей» подчёркивая научную и культурную значимость этих материалов. Позднее, в 1871 г., он описал 97 восточных рукописей, переданных в дар Петербургской публичной библиотеке Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом

В.Л. Вяткиным также были переведены и опубликованы значительная часть «Бабурнаме», «Рисоля» Мухаммада Салиха, легенды об основании и истории Самарканда. Известно, что в 1897 г. он подарил Азиатскому музею сочинение «Мукаддимат ал-адаб» («Введение в словесность») Замахшари, которое впоследствии изучил и описал В.В. Бартольд

52 Архив ИВР РАН. Ф.36. Оп.1. Ед.хр.10. С.26-28.

53 Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России. СПб. 1911. С.222-223.

54 Архив ИВР РАН. Ф.36. Оп.1. Ед.хр.12, 62 л.

55 Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Абу Тахир Ходжи, перевод В.Л. Вяткина, предисловие и примечание переводчика. // СКСО. Вып. VI, Самарканд, 1899. С.153-259.

56 Вяткин В.Л. Кандия Малая, перевод краткой редакции, на персидском языке арабского труда Абу Хафса Нажметдина Умара б. Мухаммад ан-Насафи ас-Самарканди, предисловие и примечание переводчика, СКСО. Вып. VIII. Самарканд. 1906. С. 235-290.

57 Вяткин В.Л. Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию султана Бабура Мирзы, перевод из «Бабур-наме», СКСО, 1896.

58 Вяткин В.Л. Самаркандский вилает (перевод из «Риссоля» Мухаммеда Салиха). СКСО, V, 1897.

59 Бартольд В.В. Рукопись Замахшари со старо-тюркскими глоссами. Соч. Т.VIII. С.465-468.

60 Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. (Собрание Вяткина, №163). Том X. Под ред. Д.Г. Вороновского. Т.: Фан. 1975. С.256.

61 Шамукарамова Ф.Ш. Василий Вяткин и самаркандская старина // «Проблемы истории, филологии, культуры». 2016. Январь. С.408-422.

62 Оразклычев Д. Омар Хайям – изумруд империи Великих Сельджуков. https://centralasia.news/15252-omar-hajjam-izumrud-imperii-velikih-seldzhukov.html